

VI.

Къ началу 1373-го года относится одинъ документъ, касающійся Боккаччо. Въ 1348-мъ году нѣкій Липаччо Чекки, жившій тогда въ Чертальдо, отказалъ свое имущество сыну, а за его смертью, Джери деи Бекки, съ тѣмъ, чтобы они соорудили въ госпиталѣ *Santa Maria di Катиньяно* алтарь, а если не войдутъ въ соглашеніе съ строителями госпиталя¹⁾, то капеллу на землѣ Джери, и при ней домикъ для священника; то и другое было обеспечено доходами. Актомъ отъ 19-го марта 1373-го года тогдашній епископъ Флоренціи, Анджело Рикасоли, желая привести все это въ исполненіе, поручилъ собрать надлежащія свѣдѣнія Боккаччо, гражданину Чертальдо, флорентинскому клерику, мужу разумному и благочестивому²⁾, жившему въ тѣхъ мѣстностяхъ и близко знающему всѣ отношения³⁾.

Въ концѣ лѣта того-же года Боккаччо тяжко заболѣлъ; онъ и передъ тѣмъ прихварывалъ; какъ многіе другіе ученые, поэты того времени, какъ Петрарка, онъ страдалъ чесоткой; теперь болѣзнь обострилась; едва оправившись, Боккаччо пишетъ своему старому знакомому, Майнардо деи Кавальканти, письмо, которое вышло жанровою картинкой: обстановка мелкаго городка, комнатка бѣднаго ученаго, за которымъ ходитъ вѣрная служанка, вѣроятно, та самая Бруна, которую онъ не забылъ въ своей духовной; совѣщеніе досужихъ сосѣдей, толкующихъ о томъ, какъ бы помочь заболѣвшему, и появленіе деревенскаго эскулапа, серьезно вѣрящаго, что онъ спась Боккаччо, выпустивъ ему не крови, а смертоноснаго яда. Все это описано реально, съ рельефомъ Декамерона.

Съ Майнардо или Магинардо деи Кавальканти Боккаччо былъ

1) Cum operariis.

2) Confidens quamplurimum de circumspectione et fidei puritate providi viri J. B.

3) Manni, Storia del Decamerone, P. I, стр. 35.

знакомъ со временем неаполитанской поѣздки 1361—2-го года, если не ранѣе¹⁾). Это былъ флорентіецъ хорошаго рода, военный человѣкъ на службѣ у неаполитанскаго двора; его дѣятельность въ Италии и Морѣ доставила ему званіе великаго маршала неаполитанскаго королевства; человѣкъ интеллектній и развитой, онъ обратилъ вниманіе на Боккаччо, пріютилъ его у себя, когда онъ бѣдствовалъ у Аччайоли, и далъ не забываять его своей помощью; онъ, очевидно, полюбилъ его.

Ты, чай, дивишься, пишетъ ему Боккаччо, что я такъ долго не писалъ тебѣ, но ты, вѣроятно, слышаешь, какъ я былъ боленъ; я говорю: былъ, точно я не продолжаю болѣть, и, что хуже, безъ надежды скоро оправиться. Лишь недавно я вздохнулъ свободнѣе, а былъ уже въ челюстяхъ Орка. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись съ тобой въ послѣдній разъ, моя жизнь была похожа на смерть; она мнѣ опостыла, такъ много было страданій²⁾. Во первыхъ я постоянно ощущалъ и еще ощущаю страшный чесъ³⁾), сухая короста заставляла ногти днемъ и ночью работать надъ колупаніемъ струпьевъ; присоедини къ тому тяжесть и вялость живота, постоянную боль въ почкахъ⁴⁾, одутловатость селезенки, воспаленіе печени⁵⁾, удушливый кашель, хрипоту, одурманенную голову⁶⁾ и многія другіе напасти, и ты увидишь, что я весь боленъ. Понятно, что мнѣ трудно глядѣть на небо, тяготить тѣло⁷⁾, я кожу шатаюсь, руки дрожать, блѣдность у меня стигійская, отсутствіе аппетита, неохота ко всему, ненавистны даже любимыя книги; силы духа подавлены⁸⁾, память ослабѣла, умъ коснѣетъ⁹⁾, мысли заняты могилой и смертью.

1) Съ. выше стр. 165, 239—40, 472.

2) Non unico tantum vexata stimulo.

3) Igneus pruritus.

4) Renium.

5) Bilis incendium.

6) Attonitum caput.

7) Onerosa corporea moles.

8) Remissae.

9) Hebes.

Отнято у меня и главное утешение: умолкли для меня музы, небесною пѣснью которыхъ я порой развлекался, когда Маронъ и нашъ Петрарка и другіе бряцали на касталайской лирѣ; тихо стало въ комнаткѣ, когда-то полной звуковъ, и все для меня устраивается печально. При этомъ глаза по прежнему зорки, нѣть тошноты, и когда я достаточно начесался, сонъ меня восстанавливаетъ. Здѣсь у меня нѣть ни лѣкарствъ, ни врачей (хотя я въ нихъ и не вѣрю), живу слѣдя природѣ и инстинкту¹⁾. Ты не узналъ бы меня: не то лицо²⁾, невеселые глаза, кожа такъ пристала къ костямъ, что я покажусь тебѣ Эризихономъ, не твоимъ Джьеванни, тѣло обратилось въ безкровный трупъ. Что будетъ далѣе, не знаю; я жажду смерти, пора-бы ей прійти, мнѣ вѣдь шестидесятый годъ. Довольно я пожилъ, даже слишкомъ, видаль, чего не видѣли предки, новаго ничего не увижу, если бы даже удвоились годы, развѣ горы стануть летать и рѣки возвратятся вспять. Пусть явится смерть и положить конецъ моимъ мукамъ, прежде чѣмъ я стану въ тягость друзьямъ.

Вотъ все, что я въ состояніи былъ написать 12-го августа и въ слѣдующіе два дня³⁾; оставалось на другой день запечатать письмо, когда къ вечеру у меня, слабаго, еле живого, явилась лихорадка, да такая, что я слегъ, думая, что болѣе уже не встану. Ночью жаръ усилился, голову ломило, дыханіе было горячее, я тихо стоналъ, ибо у меня не въ обычѣ молчать, какъ то дѣлаютъ другіе; я метался, точно хотѣлъ куда-то уѣхать отъ лихорадки, и, опахивая себя бѣльемъ, старался умѣрить жаръ. Я чувствовалъ себя совсѣмъ изнеможеннымъ, и въ ожиданіи конца, устремилъ свои мысли на будущее, какъ мнѣ, грѣшнику, предстать передъ Судію, какъ онъ обратить на меня свой праведный гнѣвъ; страхъ обуялъ меня, я дрожалъ и плакалъ, и слезы были искренни. При мнѣ была всего одна служанка, давно живущая

1) Appetita.

2) Non oris habitus ille priscus.

3) II ydus Angusti tribus tam paucis litteris diebus concessis.... Augusti III ydus incopta.

у меня; видя меня въ такомъ положеніи и воображая, что я кончаюсь, она плакала и неумѣло и глупо ободряла меня; она меня смѣшила, хотя я былъ въ горячкѣ; я мысленно просилъ друзей, словно они были со мною, помолиться, чтобы Господь послалъ мнѣ тихую кончину и смиловался надо мной,—и уже распостился съ тобой и другими. Была глухая ночь, когда я почувствовалъ, точно какой-то огненный токъ вышелъ изъ пупа, распространяясь до конца живота къ правому паху; съ нимъ выйдеть и лихорадка, подумалъ я и спокойнѣе началъ ожидать смерти. Но она не приходила; тогда мнѣ припомнилась участь Фаэтонта, обращеннаго въ пепель, и я устрашился того, чего прежде желалъ.

Междудѣмъ, послѣ долгихъ ожиданій, занялось утро; служанка позвала вѣсколькихъ моихъ пріятелей изъ крестьянъ и рассказала, въ чёмъ дѣло. Они подивились, и не зная, чѣмъ помочь, стали совѣщаться, посовѣтовали позвать врача; врачей я презираю, но дабы не показалось, что я скрупулюсь, согласился. Не думай, чтобъ то быть новый Аполлонъ, первый, познавшій силу злаковъ, либо эпидаврійскій Эскулапъ или Гиппократъ съ Хиоса; это былъ человѣкъ, обыкшій лѣчить крестьянъ, очень привѣтливый и разумный. Увидѣвъ пятно огненнаго цвѣта, признакъ воспаленной печени, онъ заявилъ, что слѣдуетъ удалить изъ тѣла лишнее и вредное, и тотчасъ-же, ибо если промедлить одинъ день, я черезъ четыре умру. Я ощутилъ страхъ и вѣльзъ все исполнить, что онъ прикажетъ. И вотъ уготовляется все для моего терзанія: инструменты, огонь и желѣзо; меня жгутъ раскаленными орудіями и по выжженому мясту дѣлаютъ частыя настѣчки бритвой; такъ то выцѣдили изъ меня много крови, смертоноснаго яда, говорилъ медикъ. Теперь ты излѣченъ, сказаъ онъ мнѣ, и я повѣрилъ, ибо съ кровью удалилась отчасти и лихорадка, и я, не смыкавшій по ночамъ глаза, могъ отдохнуть. Съ тѣхъ поръ у меня явилась надежда на выздоровленіе, я крѣпъ съ каждымъ днемъ и теперь, хотя и слабой рукой, въ состояніи держать перо.

Но перейду къ болѣе веселому сюжету, продолжаетъ Боккачъю, поздравляя пріятеля съ недавнимъ бракомъ и съ тѣмъ, что, по его совѣту, онъ отпраздновалъ свадьбу ночью. Изъ слѣдующаго письма оказывается, что Кавальканти женился на вдовѣ, Боккачъю просить его поклониться новому свояку, Донату, сына Якова; разумѣется Донато Аччьяйоли, братъ Андреи или Андреины, вышедшей въ первый разъ (въ 1364 году) за Франческо ди Симоне Гвиди, графа Баттифолле и Поппи, во второй—за Кавальканти; Андреина была, стало-быть, вдовою, а по словамъ Анджело дель Убальди, юристконсультант XV-го вѣка, вдовы вѣнчались лишь ночью, по крайней мѣрѣ въ Перуджіи¹⁾. Боккачъю могъ имѣть ввиду подобный-же обычай. Онъ шлетъ привѣтъ молодой, которую не знаетъ и не надѣется увидѣть, просить напомнить его именитому мессеру Америго и Саличе (братьямъ Майнардо) и поклониться какому-то Форкеттѣ²⁾.

Письмо, начатое 12-го, дописано было 28-го августа³⁾. Отвѣтъ Майнардо не заставилъ себя ждать; онъ не только писалъ Боккачъю, но и вспомнилъ о его стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Боккачъю отвѣтилъ 13-го сентября знаменитымъ письмомъ, гдѣ отрицаются своего Декамерона, какъ грѣха юности. Мы знаемъ, какъ сложилось и росло это отрицаніе; оно сквозило всюду, не доставало лишь признанія⁴⁾.

Я получилъ твой даръ и твое посланіе, пишеть онъ Майнардо: одно прочель съ жадностью, другой принялъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ⁵⁾; извини, если отвѣтъ будетъ беспорядочный, писать приходится о многомъ. Ты говоришь, что, читая о моихъ страданіяхъ, ты прослезился не безъ нѣкой краски стыда, ибо

1) Сл. выше т. I, стр. 59 и Ieannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres, Спб. 1876, стр. 3.

2) Сл. Corazzini, стр. 281 слѣд.; моего изданія стр. 10—14; Hortis, Studi, стр. 297.

3) V Kal. septembris in finem deducta.

4) Corazzini, I. c. стр. 295—302; моего изданія стр. 15 слѣд.

5) Verecunde.

слезы—дѣло женское. Мнѣ онѣ не въ малую славу: что можетъ быть отраднѣе человѣку удрученному, какъ не этотъ признакъ дружбы, къ тому же со стороны такого лица! Вѣдь люди высокопоставленные¹⁾) такъ рѣдко соболѣзнують бѣднякамъ! Твои слезы омыли мои раны; онѣ не одной лишь поверхности коснулись, какъ огонь, обнимавшій жирные предметы, а прошли внутрь, проливая утѣшеніе, утоляя, какъ холодная вода жаждущаго. Краска стыда показатель сильнаго духа, нѣсколько пролитыхъ слезъ говорятъ о человѣчности и состраданіи.—Боккаччо не забылъ своего панегерика Аччьяйоли, когда тотъ невозмутимо встрѣтилъ вѣсть о смерти сына²⁾; то люди мужественные, суровые³⁾, желѣзные, но не слѣдуетъ осуждать и тѣхъ, которые уступаютъ природѣ: они чувствительны, они—люди. Плакаль Александръ Македонскій, Маркъ Марцелль, Цезарь, Христосъ надъ тѣломъ Лазаря: онѣ подаетъ примѣръ. Не стыдись-же ни краски стыда, ни слезъ; а молитвы твои и твоей супруги доходны до Бога, ибо что утолили твои слезы, то обновили съ прежнею силой молитвы: никогда еще не ощущалъ я столь страшнаго зуда, не чесался съ такимъ наслажденіемъ⁴⁾.

Но довольно обѣ этомъ. Ты пишешь, что не читалъ моихъ книженокъ, точно это такое важное преступленіе! Я смѣюсь себѣ и не удивляюсь: не таковы онѣ, чтобы ради нихъ стоило забыть другое—хотя лѣтніе жары и короткія ночи и молодая жена (о домашнихъ дѣлахъ я не говорю) могли бы увлечь не только молодого человѣка, воина, но и человѣка пожилого, сѣдого, ученаго оторвать отъ серьезныхъ занятій⁵⁾—и имъ бы нашлось извиненіе. Ты пишешь, что намѣренъ сдѣлать это будущей зимою; я ничего

1) *Splendidis.*

2) Сл. выше стр. 180, 484.

3) *Obstinati.*

4) *Nam quae lacrymarum tuarum dulcor expulerat, precum virtus in vires pristinas revocat, cum nunquam mibi pruritus fuerit infestior nec unguis acutior aut scalpendi delectatio major(?)*

5) *A sacris studiis.*

не имѣю противъ этого¹⁾), если не будеть у тебя лучшаго занятія²⁾; но что ты обѣщаъ прочесть своимъ достойнымъ дамамъ мои шалости³⁾—этого я не одобряю и молю не дѣлать: ты вѣдь знаешь, сколько тамъ непристойнаго, противнаго нравственности, побуждающаго къ нечестной любви даже стойкія сердца; если это и не увлечетъ къ паденію достойныхъ женщинъ, на чеѣ которыхъ лежитъ печать цѣломудрія, то можетъ незамѣтно возбудить въ нихъ нескромныя волненія и внезапно заразить язвой любострастія⁴⁾. Надо устроить такъ, чтобы этого не было, ибо вина пала бы не на тебя, а на твоихъ дамъ; потому еще разъ прошу тебя не дѣлать того; предоставь это молодымъ искателямъ любивыхъ приключеній⁵⁾, вмѣняющимъ себѣ въ честь, если о нихъ рассказываютъ, что они покусились на цѣломудріе многихъ женщинъ. Если ты не хочешь пощадить честь своихъ дамъ, пощади хоть мою: вѣдь читатели сочтуть меня грязнымъ сводникомъ, блудливымъ старикомъ, безнравственнымъ, злословящимъ, съ любовью рассказывающимъ о чужихъ грѣшкахъ. Не всегда же явится въ мою защиту человѣкъ, который скажетъ: онъ писалъ это въ юности и по приказу лица, власть имущаго⁶⁾; а ты понимаешь, какъ мало пристали такія писанія моимъ лѣтамъ и занятіямъ. Положимъ, я человѣкъ не особенно нравственный⁷⁾, прежде былъ и того менѣе, но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы моя репутація и имя подверглись осужденію такихъ дамъ, какъ твои.

1) Laudo.

2) Ni melior adsit cura.

3) Domesticas nugas.

4) Nostri quot ibi sunt minus decentia et adversantia honestati, quot Veneris infaustae aculei, quot in scelus impellantia, etiam si sint ferrea pectora, a quibus etsi non ad incestuosum actum illustres impellantur feminae, et potissimum quibus sacer pudor frontibus insidet, subeunt tamen passu tacito aestus illicebres et improvidas animas obsecna concupiscentiae tabe nonnunquam inficiunt irritantque.

5) Juvenibus passionum sectatoribus.

6) Juvenis scripsit et majoris coactus imperio.

7) Quamquam minus honestus sim.

слезы—дѣло женское. Магъ онѣ не въ малую славу: что можетъ быть отраднѣе человѣку удрученному, какъ не этотъ признакъ дружбы, къ тому же со стороны такого лица! Вѣдь люди высокопоставленные¹⁾ такъ рѣдко соболѣзнують бѣднякамъ! Твои слезы омыли мои раны; онѣ не одной лишь поверхности коснулись, какъ огонь, обнимавшій жирные предметы, а прошли внутрь, проливая утѣшеніе, утоляя, какъ холодная вода жаждущаго. Краска стыда показатель сильнаго духа, нѣсколько пролитыхъ слезъ говорятъ о человѣчности и состраданіи.—Бокаччо не забылъ своего панегерика Аччьяйоли, когда тотъ невозмутимо встрѣтилъ вѣсть о смерти сына²⁾; то люди мужественные, суровые³⁾, желѣзные, но не слѣдуетъ осуждать и тѣхъ, которые уступаютъ природѣ: они чувствительны, они—люди. Плакалъ Александръ Македонскій, Маркъ Марцелль, Цезарь, Христосъ надъ тѣломъ Лазаря: онъ подаетъ примѣръ. Не стыдись-же ни краски стыда, ни слезъ; а молитвы твои и твоей супруги доходны до Бога, ибо что утолили твои слезы, то обновили съ прежнею силой молитвы: никогда еще не ощущалъ я столь страшнаго зуда, не чесался съ такимъ наслажденіемъ⁴⁾.

Но довольно обѣ этомъ. Ты пишешь, что не читалъ моихъ книженокъ, точно это такое важное преступленіе! Я смѣюсь себѣ и не удивляюсь: не таковы онѣ, чтобы ради нихъ стоило забыть другое—хотя лѣтніе жары и короткія ночи и молодая жена (о домашнихъ дѣлахъ я не говорю) могли бы увлечь не только молодого человѣка, воина, но и человѣка пожилого, сѣдого, ученаго оторвать отъ серьезныхъ занятій⁵⁾—и имъ бы нашлось извиненіе. Ты пишешь, что намѣренъ сдѣлать это будущей зимою; я ничего

1) *Splendidis.*

2) Сл. выше стр. 180, 484.

3) *Obstinati.*

4) *Nam quae lacrymarum tuarum dulcor expulerat, precum virtus in vires pristinas revocat, cum nunquam mihi pruritus fuerit infestior nec unguis acutior aut scalpendi delectatio major(?)*

5) *A sacris studiis.*

не имѣю противъ этого¹⁾, если не будеть у тебя лучшаго занятия²⁾; но что ты обѣщалъ прочесть своимъ достойнымъ дамамъ мои шалости³⁾—этого я не одобряю и молю не дѣлать: ты вѣдь знаешь, сколько тамъ непристойнаго, противнаго нравственности, побуждающаго къ нечестной любви даже стойкія сердца; если это и не увлечетъ къ паденію достойныхъ женщинъ, на чѣль которыхъ лежитъ печать цѣломудрія, то можетъ незамѣтно возбудить въ нихъ нескромныя волненія и внезапно заразить язвой любострастія⁴⁾. Надо устроить такъ, чтобы этого не было, ибо вина пала бы не на тебя, а на твоихъ дамъ; потому еще разъ прошу тебя не дѣлать того; предоставь это молодымъ искателямъ любивныхъ приключеній⁵⁾, вмѣняющимъ себѣ въ честь, если о нихъ рассказываютъ, что они покусились на цѣломудріе многихъ женщинъ. Если ты не хочешь пощадить честь своихъ дамъ, пощади хоть мою: вѣдь читатели сочтутъ меня грязнымъ сводникомъ, блудливымъ старикомъ, безнравственнымъ, злословящимъ, съ любовью рассказывающимъ о чужихъ грѣшкахъ. Не всегда же явится въ мою защиту человѣкъ, который скажетъ: онъ писаль это въ юности и по приказу лица, власть имущаго⁶⁾; а ты понимаешь, какъ мало пристали такія писанія моимъ лѣтамъ и занятіямъ. Положимъ, я человѣкъ не особенно нравственный⁷⁾, прежде былъ и того менѣе, но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы моя репутація и имя подверглись осужденію такихъ дамъ, какъ твои.

1) Laudo.

2) Ni melior adsit cura.

3) Domesticas nugas.

4) Nostri quot ibi sunt minus decentia et adversantia honestati, quot Veneris infiaustae aculei, quot in scelus impellentia, etiam si sint ferrea pectora, a quibus etsi non ad incestuosum actum illustres impellantur feminae, et potissimum quibus sacer pudor frontibus insidet, subeunt tamen passu tacito aestus illecebres et improvidas animas obscena concupiscentiae tabe nonaunquam inficiunt irritantque.

5) Juvenibus passionum sectatoribus.

6) Juvenis scripsit et majoris coactus imperio.

7) Quamquam minus honestus sim.

слезы—дѣло женское. Мнѣ онѣ не въ малую славу: что можетъ быть отраднѣе человѣку удрученному, какъ не этотъ признакъ дружбы, къ тому же со стороны такого лица! Вѣдь люди высокопоставленные¹⁾) такъ рѣдко соболѣзнують бѣднякамъ! Твои слезы омыли мои раны; онѣ не одной лишь поверхности коснулись, какъ огонь, обни-мающій жирные предметы, а прошли внутрь, проливая утѣшевіе, утоляя, какъ холодная вода жаждущаго. Краска стыда показа-тель сильнаго духа, нѣсколько пролитыхъ слезъ говорятъ о чело-вѣчности и состраданії.—Боккаччо не забылъ своего панегерика Аччьяйоли, когда тотъ невозмутимо встрѣтилъ вѣсть о смерти сына²⁾; то люди мужественные, суровые³⁾, желѣзные, но не слѣдуетъ осуждать и тѣхъ, которые уступаютъ природѣ: они чувствительны, они—люди. Плакалъ Александръ Македонскій, Маркъ Марцелль, Цезарь, Христосъ надъ тѣломъ Лазаря: онъ подаетъ примѣръ. Не стыдись-же ни краски стыда, ни слезъ; а молитвы твои и твоей супруги доходны до Бога, ибо что уто-лили твои слезы, то обновили съ прежнею силой молитвы: никогда еще не ощущалъ я столь страшнаго зуда, не чесался съ такимъ наслажденіемъ⁴⁾.

Но довольно обѣ этомъ. Ты пишешь, что не читалъ моихъ книженокъ, точно это такое важное преступленіе! Я смѣюсь себѣ и не удивляюсь: не таковы онѣ, чтобы ради нихъ стоило забыть другое—хотя лѣтніе жары и короткія ночи и молодая жена (о домашнихъ дѣлахъ я не говорю) могли бы увлечь не только мо-лодого человѣка, воина, но и человѣка пожилого, сѣдого, ученаго оторвать отъ серьезныхъ занятій⁵⁾—и имъ бы нашлось извиненіе. Ты пишешь, что намѣренъ сдѣлать это будущей зимою; я ничего

1) *Splendidis.*

2) Сл. выше стр. 180, 484.

3) *Obstinati.*

4) *Nam quae lacrymarum tuarum dulcor expulerat, precum virtus in vires pristinas revocat, cum nunquam mihi pruritus fuerit infestior nec unguis acutior aut scalpendi delectatio major(?)*

5) *A sacris studiis.*

не имѣю противъ этого¹⁾, если не будеть у тебя лучшаго заня-
тія²⁾; но что ты обѣщалъ прочесть своимъ достойнымъ дамамъ мои
шалости³⁾—этого я не одобряю и молю не дѣлать: ты вѣдь знаешь,
сколько тамъ непристойнаго, противнаго нравственности, побу-
ждающаго къ нечестной любви даже стойкія сердца; если это и
не увлечетъ къ паденію достойныхъ женщинъ, на чеѣ которыхъ
лежитъ печать цѣломудрія, то можетъ незамѣтно возбудить въ
нихъ нескромныя волненія и внезапно заразить язвой любостра-
стія⁴⁾. Надо устроить такъ, чтобы этого не было, ибо вина
пала бы не на тебя, а на твоихъ дамъ; потому еще разъ прошу
тебя не дѣлать того; предоставь это молодымъ искателямъ лю-
бивыхъ приключеній⁵⁾, вмѣняющимъ себѣ въ честь, если о нихъ
рассказываютъ, что они покусились на цѣломудріе многихъ жен-
щинъ. Если ты не хочешь пощадить честь своихъ дамъ, пощади
хоть мою: вѣдь читатели сочтутъ меня грязнымъ сводникомъ,
блудливымъ старикомъ, безнравственнымъ, злословящимъ, съ
любовью рассказывающимъ о чужихъ грѣшкахъ. Не всегда-
же явится въ мою защиту человѣкъ, который скажетъ: онъ
писаль это въ юности и по приказу лица, власть имущаго⁶⁾; а
ты попимаешь, какъ мало пристали такія писанія моимъ лѣтамъ
и занятіямъ. Положимъ, я человѣкъ не особенно нравствен-
ный⁷⁾, прежде былъ и того менѣе, но мнѣ не хотѣлось бы,
чтобы моя репутація и имя подверглись осужденію такихъ дамъ,
какъ твои.

1) Laudo.

2) Ni melior adsit cura.

3) Domesticas nugas.

4) Nostri quot ibi sunt minus decentia et adversantia honestati, quot Veneris
infaustae aculei, quot in scelus impellentia, etiam si sint ferrea pectora, a quibus
etsi non ad incestuosum actum illustres impellantur feminae, et potissimum quibus
sacer pudor frontibus insidet, subeunt tamen passu tacito aestus illecebres et im-
providas animas obscena concupiscentiae tabe nonnunquam inficiunt irritantque.

5) Juvenibus passionum sectatoribus.

6) Juvenis scripsit et majoris coactus imperio.

7) Quamquam minus honestus sim.

слезы—дѣло женское. Мнѣ онѣ не въ малую славу: что можетъ быть отраднѣе человѣку удрученному, какъ не этотъ признакъ дружбы, къ тому же со стороны такого лица! Вѣдь люди высокопоставленные¹⁾ такъ рѣдко соболѣзнують бѣднякамъ! Твои слезы омыли мои раны; онѣ не одной лишь поверхности коснулись, какъ огонь, обни-мающій жирные предметы, а прошли внутрь, проливая утѣшеніе, утоляя, какъ холодная вода жаждущаго. Краска стыда показа-тель сильного духа, нѣсколько пролитыхъ слезъ говорятъ о чело-вѣчности и состраданіи.—Бокаччо не забылъ своего панегерика Аччьяйоли, когда тотъ невозмутимо встрѣтилъ вѣсть о смерти сына²⁾; то люди мужественные, суровые³⁾, желѣзные, но не слѣдуетъ осуждать и тѣхъ, которые уступаютъ природѣ: они чувствительны, они—люди. Плакалъ Александръ Македонскій, Маркъ Марцелль, Цезарь, Христосъ надъ тѣломъ Лазаря: онъ подаетъ примѣръ. Не стыдись-же ни краски стыда, ни слезъ; а молитвы твои и твоей супруги доходны до Бога, ибо что уто-лили твои слезы, то обновили съ прежнею силой молитвы: никогда еще не ощущалъ я столь страшного зуда, не чесался съ такимъ наслажденіемъ⁴⁾.

Но довольно обѣ этомъ. Ты пишешь, что не читалъ моихъ книженокъ, точно это такое важное преступленіе! Я смѣюсь себѣ и не удивляюсь: не таковы онѣ, чтобы ради нихъ стоило забыть другое—хотя лѣтніе жары и короткія ночи и молодая жена (о домашнихъ дѣлахъ я не говорю) могли бы увлечь не только мо-лодого человѣка, воина, но и человѣка пожилого, сѣдого, ученаго оторвать отъ серьезныхъ занятій⁵⁾—и имъ бы нашлось извиненіе. Ты пишешь, что намѣренъ сдѣлать это будущей зимою; я ничего

1) *Splendidis.*

2) Сл. выше стр. 180, 484.

3) *Obstinati.*

4) *Nam quae lacrymarum tuarum dulcor expulerat, precum virtus in vires pristinas revocat, cum nunquam mibi pruritus fuerit infestior nec unguis acutior aut scalpendi delectatio major(?)*

5) *A sacris studiis.*

не имѣю противъ этого¹⁾), если не будеть у тебя лучшаго занятія²⁾; но что ты обѣщалъ прочесть своимъ достойнымъ дамамъ мои шалости³⁾)—этого я не одобряю и молю не дѣлать: ты вѣдь знаешь, сколько тамъ непристойнаго, противнаго нравственности, побуждающаго къ нечестной любви даже стойкія сердца; если это и не увлечетъ къ паденію достойныхъ женщинъ, на чеѣ которыхъ лежитъ печать цѣломудрія, то можетъ незамѣтно возбудить въ нихъ нескромныя волненія и внезапно заразить язвой любострастія⁴⁾). Надо устроить такъ, чтобы этого не было, ибо вина пала бы не на тебя, а на твоихъ дамъ; потому еще разъ прошу тебя не дѣлать того; предоставь это молодымъ искателямъ любивныхъ приключений⁵⁾, вмѣняющимъ себѣ въ честь, если о нихъ рассказываютъ, что они покусились на цѣломудріе многихъ женщинъ. Если ты не хочешь пощадить честь своихъ дамъ, пощади хоть мою: вѣдь читатели сочтутъ меня грязнымъ сводникомъ, блудливымъ старикомъ, безнравственнымъ, злословящимъ, съ любовью рассказывающимъ о чужихъ грѣшкахъ. Не всегда же явится въ мою защиту человѣкъ, который скажетъ: онъ писалъ это въ юности и по приказу лица, власть имущаго⁶⁾; а ты понимаешь, какъ мало пристали такія писанія моимъ лѣтамъ и занятіямъ. Положимъ, я человѣкъ не особенно нравственный⁷⁾, прежде былъ и того менѣе, но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы моя репутація и имя подверглись осужденію такихъ дамъ, какъ твои.

1) Laudo.

2) Ni melior adsit cura.

3) Domesticas nugas.

4) Nostri quot ibi sunt minus decentia et adversantia honestati, quot Veneris infaustae aculei, quot in scelus impellentia, etiam si sint ferrea pectora, a quibus etsi non ad incestuosum actum illustres impellantur feminae, et potissimum quibus sacer pudor frontibus insidet, subeunt tamen passu tacito aestus illecebres et improvidas animas obsecna concupiscentiae tabe nonnunquam inficiunt irritantque.

5) Juvenibus passionum sectatoribus.

6) Juvenis scripsit et majoris coactus imperio.

7) Quamquam minus honestus sim.

слезы—дѣло женское. Мнѣ онѣ не въ малую славу: что можетъ быть отраднѣе человѣку удрученному, какъ не этотъ признакъ дружбы, къ тому же со стороны такого лица! Вѣдь люди высокопоставленные¹⁾ такъ рѣдко соболѣзнують бѣднякамъ! Твои слезы омыли мои раны; онѣ не одной лишь поверхности коснулись, какъ огонь, обнимавшій жирные предметы, а прошли внутрь, проливая утѣшеніе, утоляя, какъ холодная вода жаждущаго. Краска стыда показатель сильного духа, нѣсколько пролитыхъ слезъ говорятъ о человѣчности и состраданіи.—Боккаччо не забылъ своего панегерика Аччьяйоли, когда тотъ невозмутимо встрѣтилъ вѣсть о смерти сына²⁾; то люди мужественные, суровые³⁾, желѣзные, но не слѣдуетъ осуждать и тѣхъ, которые уступаютъ природѣ: они чувствительны, они—люди. Плакалъ Александръ Македонскій, Маркъ Марцеллъ, Цезарь, Христосъ надъ тѣломъ Лазаря: онъ подаетъ примѣръ. Не стыдись-же ни краски стыда, ни слезъ; а молитвы твои и твоей супруги доходны до Бога, ибо что утолили твои слезы, то обновили съ прежнею силой молитвы: никогда еще не ощущалъ я столь страшного зуда, не чесался съ такимъ наслажденіемъ⁴⁾.

Но довольно обѣ этомъ. Ты пишешь, что не читалъ моихъ книжекъ, точно это такое важное преступленіе! Я смысь себѣ и не удивляюсь: не таковы онѣ, чтобы ради нихъ стоило забыть другое—хотя лѣтніе жары и короткія ночи и молодая жена (о домашнихъ дѣлахъ я не говорю) могли бы увлечь не только молодого человѣка, воина, но и человѣка пожилого, сѣдого, ученаго оторвать отъ серьезныхъ занятій⁵⁾—и имъ бы нашлось извиненіе. Ты пишешь, что намѣренъ сдѣлать это будущей зимою; я ничего

1) *Splendidis.*

2) Сл. выше стр. 180, 484.

3) *Obstinati.*

4) *Nam quae lacrymarum tuarum dulcor expulerat, precum virtus in vires pristinas revocat, cum nunquam mihi pruritus fuerit infestior nec unguis acutior aut scalpendi delectatio major(?)*

5) *A sacris studiis.*

не имѣю противъ этого¹⁾, если не будеть у тебя лучшаго занятія²⁾; но что ты обѣщаљ прочесть своимъ достойнымъ дамамъ мои шалости³⁾—этого я не одобряю и молю не дѣлать: ты вѣдь знаешь, сколько тамъ непристойнаго, противнаго нравственности, побуждающаго къ нечестной любви даже стойкія сердца; если это и не увлечетъ къ паденію достойныхъ женщинъ, на чељ которыхъ лежитъ печать цѣломудрія, то можетъ пезамѣтно возбудить въ нихъ нескромныя волненія и внезапно заразить язвой любострастія⁴⁾. Надо устроить такъ, чтобы этого не было, ибо вина пала бы не на тебя, а на твоихъ дамъ; потому еще разъ прошу тебя не дѣлать того; предоставь это молодымъ искателямъ любивныхъ приключеній⁵⁾, вмѣняющимъ себѣ въ честь, если о нихъ рассказываютъ, что они покусились на цѣломудріе многихъ женщинъ. Если ты не хочешь пощадить честь своихъ дамъ, пощади хоть мою: вѣдь читатели сочтутъ меня грязнымъ сводникомъ, блудливымъ старикомъ, безнравственнымъ, злословящимъ, съ любовью рассказывающимъ о чужихъ грѣшкахъ. Не всегда же явится въ мою защиту человѣкъ, который скажетъ: онъ писаль это въ юности и по приказу лица, власть имущаго⁶⁾; а ты понимаешь, какъ мало пристали такія писанія моимъ лѣтамъ и занятіямъ. Положимъ, я человѣкъ не особенно нравственный⁷⁾, прежде былъ и того менѣе, но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы моя репутація и имя подверглись осужденію такихъ дамъ, какъ твои.

1) Laudo.

2) Ni melior adsit cura.

3) Domesticas nugas.

4) Nostri quot ibi sunt minus decentia et adversantia honestati, quot Veneris infaustae aculei, quot in scelus impellentia, etiam si sint ferrea pectora, a quibus etsi non ad incestuosum actum illustres impellantur feminae, et potissimum quibus sacer pudor frontibus insidet, subeunt tamen passu tacito aestus illecebres et improvidas animas obscena concupiscentiae tabe nonnunquam inficiunt irritantque.

5) Juvenibus passionum sectatoribus.

6) Juvenis scripsit et majoris coactus imperio.

7) Quamquam minus honestus sim.

Подарокъ Майнардо показываетъ, что, вращаясь при дворѣ велиcodушной королевы (Джьованны), онъ далекъ отъ малодушнаго скопидомства ¹⁾ флорентійцевъ. Недавно онъ послалъ Боккаччо золотой кубокъ ²⁾, полный червонцевъ; болѣзнь потребовала расходовъ, но Боккаччо не расточителенъ, кое-что еще оставалось, чѣмъ продержаться зимою и согрѣть хилое тѣло. Даръ былъ великъ, даже слишкомъ, дороже всего тѣмъ, что онъ предупредилъ бѣдственное положеніе и просьбы друга; теперь Майнардо одарилъ его вторично, такимъ же образомъ, и Боккаччо не знаетъ, какъ выразить ему свою признательность: ты извлекъ меня изъ грязи, помогъ подняться собенному въ бѣдной крестьянской обстановкѣ ³⁾). Я счастливъ тѣмъ, что владѣю дружбой такого доброго, великодушнаго человѣка, покровителя ⁴⁾; позволь сказать: повелителя ⁵⁾; но богатства даны тебѣ не для того лишь, чтобы ты расточалъ ихъ на меня, а на служеніе королевѣ, на поддержаніе блеска военного достоинства, на воспитаніе будущаго потомства, для помощи друзьямъ, болѣе стариннымъ и того достойнымъ, чѣмъ я; наконецъ для бѣдныхъ во Христѣ: съ нихъ слѣдовало бы мнѣ и начать. На все это надо не мало средствъ, особенно у насъ, гдѣ даже солнечные лучи приходится покупать дорогую цѣнью. — Я ожидалъ второго дара ⁶⁾, при твоемъ посредствѣ ⁷⁾ и моихъ просьбахъ, отъ Гуго да Санъ Северино, на котораго надѣюсь, какъ на вторую опору моей старости; но, видно, ты это взялъ на себя. Ежедневно мы молимъ Господа: хлѣбъ нашъ насытныйажды намъ днесъ; подъ хлѣбомъ разумѣется въ широкомъ смыслѣ все, необходимое для пропитанія, деньги; неисповѣдимыми для насъ путями Господь

1) *Positis pusillanimitatis Florentinae moribus.*

2) *Vasculum.*

3) *Cervicem jam pressam ab ergastulo villicorum sustulisti.*

4) *Patrono.*

5) *Domino.*

6) *Onus hoc secundum.*

7) *Suasionibus tuis.*

внушаетъ богатымъ людямъ открывать бѣднякамъ свою казну и житница, они его десница, они чеканять его монету. Часто сказывалъ я псаломъ Давида: Не отвергни меня во время страсти, когда будетъ оскудѣвать сила моя, не оставь меня (пс. LXX); теперь вижу, что моя молитва услышана, и я счастливъ этими, счастливъ и ты, что стала орудіемъ божьяго милосердія. Молю подателя всѣхъ благъ, Того, Кто сохранилъ отроковъ въ пещи, оградить тебя отъ вражьяго нападенія, отъ злого языка; какъ Онъ обратилъ на Іосифа милость фараона, такъ ты да преуспѣешь въ милостяхъ королевы; какъ Онъ вознесъ пастуха Давида до царскаго престола, такъ да возвысишься и ты отъ почестей до вѣчной славы, которую заслужилъ своими дѣлами.

Боккачъ былъ обрадованъ привѣтами общихъ друзей и именитыхъ людей¹⁾, которые передалъ ему Майнардо, и съ своей стороны просить его поклониться, когда будетъ писать въ Неаполь, Людовику Редженте, женѣ, новому свояку Донату, сыну Якова²⁾, и нашему Джованни Латинуччи, имя котораго уже встрѣтилось намъ въ посланіи къ Монтефорте³⁾. Онъ отсылаетъ письма Латинуччи, обращенные къ Майнардо, которыя послѣдній доставилъ Боккачъ, очевидно, для прочтенія, и самъ настоятельно проситъ своихъ писемъ никому не показывать: онъ пишеть запросто, фамильярно, откровенно; это можетъ быть интересно для Майнардо, ибо дружба заставляетъ его заблуждаться; другіе будутъ иного мнѣнія, и распространеніе писемъ можетъ послужить не къ славѣ, а къ порицанію писавшаго.

Письмо вышло длинное, точно писалъ его не больной, но такъ вышло: пока я пишу тебѣ, мнѣ такъ хорошо, точно я бесѣдую съ тобою лично о веселыхъ предметахъ.

Между 13-мъ сентябремъ 1373-го года и юлемъ слѣдующаго у Майнардо родился сынъ, и Боккачъ былъ его воспріем-

1) Majorum theorum.

2) Сл. выше стр. 545.

3) Сл. выше стр. 587.

никомъ, очевидно, заглавно. Объ этомъ мы узнаемъ изъ посвящительного письма при *De Casibus Virorum Illustrium*, написанаго до смерти Петрарки¹⁾.

Не только неупоминаніе этой смерти, невозможность иного, болѣе вѣроятнаго хронологическаго пріуроченія, но и самыи характеръ труда позволяеть отнести къ тому-же приблизительно времени цыцмо Боккаччо къ брату Мартину изъ Сини съ разъясненiemъ аллегорическаго значенія своихъ эклогъ. Этимъ разъясненiemъ, написаннымъ по просьбѣ Мартина, мы не разъ пользовались²⁾: оно неполно, уклончиво, авторъ видимо избѣгалъ нѣкоторыхъ воспоминаній, предупреждая, что не всѣмъ лицамъ и именамъ эклогъ онъ давалъ иносказательный смыслъ³⁾.— Съ письмомъ къ Мартину онъ посыпалъ другое, которое просилъ доставить ихъ общему отцу, епископу, то-есть Анджело Рикасолли, тому самому, который въ 1373-мъ году обратился къ Боккаччо, «мужу разумному и благочестивому», по вопросу о завѣщаніи

1) Сл. выше стр. 240—1.

2) Сл. выше т. I, стр. 378 слѣд., II, 61, 63 слѣд.

3) Интересно сравненіе III-й эклоги, *Faunus* (сл. выше т. I, стр. 378—9), съ первымъ ея наброскомъ въ рукописи Лауренціаны (Pl. XXIX, 8), лишь недавно изданномъ *Hauvette* (л. с. стр. 139 слѣд.; см. стр. 126 слѣд.). Боккаччо не только сократилъ и стилистически усовершенствовалъ первоначальный текстъ, но и удалилъ нѣкоторые личные и откровенные намеки. Въ наброскѣ дѣйствующихъ лицъ не два, а три: Меналкъ=Боккаччо и Мерисъ=Чекко; Тестаились по прежнему загадочна (сл. выше т. I, стр. 378), но при ней есть лишняя черта: въ печатномъ текстѣ она обращается къ Фавну: *Non te cura tui retinet?... Non matris amor?* въ наброскѣ в. 16: *Non matris amor? Non coniugis?* Похвалы Роберту въ первой редакціи развиты не только общими мѣстами: въ печатномъ текстѣ его оплакиваются сатиры и фавны и Аполлонъ; прежде говорилось (v. 131—2) объ Аполлонѣ и *Монсъ* (Петраркѣ), *Пити* (Барбатѣ) и *Иденъ* (Баррихи). *Hauvette* отмѣтилъ чорту личнаго чувства, удаленную въ позднѣйшей передѣлкѣ: Боккаччо-Меналкъ говорить о Робертѣ-Аргусѣ: знать его и я, *Ex gregi petre fui pulcro, sed iunior olim* (v. 141). Иные выраженія смягчены: *male... cautus* (v. 147) обратилось въ *cautus modicum* (объ *Alexis*=Андреѣ); Титирь (Людовикъ Венгерскій) идетъ, чтобы словить волчицу (Джованну) и львовъ (*flavosque leones*); здѣсь въ первой редакціи есть лишнее: *Immanesque feras (quarum jam mitis Alexis Egregius sanguis forsan per guttura fluxit!)*.

Лишачьо Чекки¹⁾). Рикасоли былъ избранъ на флорентинскую каеедру въ 1371-мъ году; ранѣе этого времени нельзя помѣстить посланія къ Мартину, которому Боккаччо напоминаетъ въ концѣ: У васъ есть теперь провинціальный викарій, смотри, чтобы онъ не захватилъ монастырь св. Геминіана и другіе, тебѣ подвѣдомственные; много хлѣба переслали своимъ о прошломъ постѣ обманщикъ братъ Іоаннъ²⁾.

Тонъ письма показываетъ на близкое знакомство. Братъ Мартинъ († 1387), магистръ богословія, былъ монахъ августинскаго ордена еремитовъ, обители Санто Спирито во Флоренції, впослѣдствіи пріоръ ордена для эпархіи Пизы. Флорентійская республика чтила его познанія, обращаясь къ нему за совѣтами³⁾), Боккаччо поручилъ ему участіе своей библіотеки по смерти, сдѣлалъ однимъ изъ распорядителей своей духовной. Онъ стоитъ первымъ въ ихъ числѣ; четвертымъ названъ Аньоло ди Торино Бенчивенни, правоучительно-религіозный поэтъ, авторъ «Краткаго размышленія о божіихъ благодѣяніяхъ», «Лѣствицы о десяти ступеняхъ» и передѣлки средневѣковаго трактата дьякона Лотарія (Іннокентія III) «De Contemptu mundi seu de Misericordia humanae conditionis», написанной въ 1374-мъ году по просьбѣ св. донъ Джованни делле Челле и посвященной графу Карлу ди Баттифолле.— Эти знакомства характерны для старика Боккаччо: это не гуманисты, а люди, такъ сказать, болѣе архаического типа, которыхъ могли сближать съ Боккаччо не столько его классическія штудіи, сколько поворотъ къ религіонизму, сказывающійся въ личныхъ эпизодахъ Генеалогій, къ покаянному самосознанію, отрицающемуся Декамерона. Боккаччо сводилъ счеты съ собою, свивалъ паруса: пристроилъ свои Генеалогіи, истолковалъ эклоги; Карль Фиджьеванни, переводчикъ Овидіевыхъ Героидъ, разсказываетъ,

1) Сл. выше стр. 541.

2) Corazzini l. c. стр. 267—74: пятаго мая; по одной рукописи: Certaldi VI dus octobris.

3) Сл. Manni, l. c. P. I, стр. 123 слѣд.

что сдѣялъ онъ его при помощи Боккаччо, котораго посѣщалъ, когда въ послѣдніе дни тотъ жилъ въ Чертальдо¹⁾. Въ такія минуты онъ ощущалъ въ себѣ прежніе литературные вкусы, онъ зналъ толкъ въ басняхъ, въ поэзіи формѣ; но въ общемъ его мысли настроены мрачно, рѣже раздаются звуки «асталійской лиры», мысли обращены къ смерти, къ самоусовершенствованію, какъ говорилъ онъ о Петраркѣ²⁾). Божественная Комедія когда-то прельстила его, еще юношу, своими образами и аллегоріями, идеально настраивая его чувственность; позже онъ искалъ въ ней поддержки своему идеалу свободы; теперь она готова отвѣтить его сердечному требованію—узнать, соме l'uom s'eterna³⁾). Filocolo, Ameto, Amorosa Visione принадлежатъ первому пониманію, глава изъ De Casibus и Жизнеописаніе Данте второму; третье выразилось въ послѣднемъ трудѣ Боккаччо, его чтеніяхъ о Божественной Комедіи.

1) Сл. выше т. I, стр. 488. Въ первоначальномъ изданіи перевода Фиджьюванни (Vinegia, MDXXXII) помѣщено его посланіе къ Andrea и Giovambattista de Rossi, сыновьямъ того Pino dei Rossi, къ которому обращено известноеувѣщательное письмо Боккаччо (сл. выше стр. 508 слѣд.); мы не выходимъ изъ его кружка.—Къ легендамъ объ Овидіи и Боккаччо въ Сульмонѣ и Чертальдо (сл. выше т. I, стр. 548—4) сл. еще: De Nino, Ovidio nella tradizione popolare di Sulmona, Casalbordino 1886; Correra, Ovidio nella tradizione popolare di Sulmona, Napoli 1886; Pitre, Archivio per lo studio d. trad. pop. XII, стр. 127 (Stregoneria del Boccaccio).

2) Сл. выше стр. 588.

3) Inf. 15, v. 85.